

ЖЕМЧУЖИНА МОЕЙ ДУШИ

АННА НИКОЛАЕНКО

Анна Николаенко

**Жемчужина моей
души. Сборник стихов**

«Издательские решения»

Николаенко А.

Жемчужина моей души. Сборник стихов / А. Николаенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851720-4

Сборник составлен из стихотворений на различные темы. В разделе «Палитра чувств» читатель окунется в яркий и неординарный мир размышлений и волнений, раздел «Лабиринты любви» поведет сложными и противоречивыми тропами романтических отношений, третья часть книги «Ты мою тогда выбрал жизнь» наполнит душу благодарностью нашим дедам-победителям, а под общим заглавием «На пристани веры» собраны стихи, которые являются искренней и душевной беседой с Творцом.

ISBN 978-5-44-851720-4

© Николаенко А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Раздел 1. Палитра чувств	7
Ветка	8
Все ищет с небом единенья	9
Нет, я не прекращу своих восстаний	10
Спаси ее!	11
Крест на корме	13
Так напой же другим о любви и добре	14
Цветок	15
Криворожье	16
Таинственные нити	17
В поисках сути	18
Мятежная душа	19
Весна – предисловие лета	20
Исполнение пророчества	21
Степная воля	22
Портрет	23
Театр	24
Встречи	26
Праведный обман	27
Другу	28
Полет	29
В старом зале	30
На заре	31
Надежда	33
Ты не один	34
По волнам испытаний	35
Никогда не грусти	37
Раздел 2. Лабиринты любви	38
Я тебе не сказала	39
Любить	40
Как выглядит любовь?	41
Свет неведомой звезды	42
Реальные миражи	43
Зеркала	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Жемчужина моей души

Сборник стихов

Анна Николаенко

© Анна Николаенко, 2017

ISBN 978-5-4485-1720-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора Жемчужина моей души

Поэт приглашает читателя в душу.
Что должен он с ним в этот час разделить?
Не сумрак ночной, и не зимнюю стужу,
А ковры нежных трав перед ним расстелить.

Самый лучший цветок протянуть на ладони,
Ветку спелых плодов для него наклонить:
Пускай будет любовь в необычном поклоне,
Чтобы души связала незримая нить.

И молитвой помочь даже тяжкому горю,
Чтобы ближних в скорбях захотелось обнять,
Ну, а если зовешь друга к синему морю,
Нужно жемчуг со дна, с глубины поднимать.

Вот жемчужину я превращаю в камею.
Эту книгу сейчас закрывать не спеши,
Я с тобой поделюсь, как могу, как умею,
Самым лучшим, что есть в океане души.

Раздел 1. Палитра чувств

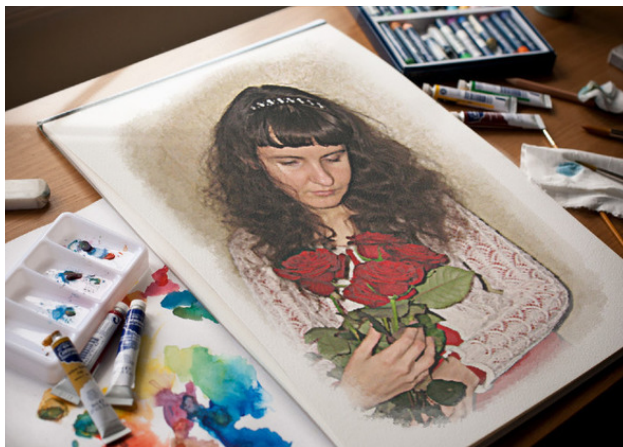

Фото: Неонила Николаенко. На фото автор книги.

Не судите поэтов, люди,
За стенанье, души маету,
Ведь влюблялись они в мечту.

Елена Пелих

Ветка

В душе каждого человека живет ребенок. Искренний, ранимый, всепрощающий, хранящий непреодолимую веру в любовь и добро. Веру, которая способна творить чудеса. И этот светлый луч в наших душах не должен затмеваться ни трудностями, ни разочарованием, ни временем. Ведь только настоящая детская вера в чудо – чудо возрождения и торжества любви делает человека счастливым.

Чисто, звонко и смело смеялась весна,
Целовала цветы в половодье лучей,
А с кустов осыпается вниз седина,
И о чем-то ветрам подпевает ручей.

Снова манит меня молодая трава,
И тетрадки заброшены там, на столе...
Но увидела смятые вдруг кружева:
Кем-то сломана ветка... Лежит на земле.

Мне казалось, она горько плачет росой,
В этот праздник тепла ей так хочется жить!
Я несчастную ветку несу за собой,
Чтобы щедро водою ее освежить.

Посадила ее в тишине, у окна,
Каждый день, каждый час умоляла: «Расти,
Ты красуйся, живи, ты цвести рождена!
А жестокие руки забудь и прости».

Лепесточки слегка шелестели в ответ,
Но я знала – мы тихо беседуем с ней...
Деревцо опекала я несколько лет,
И оно становилось стройней и стройней.

Уж которой весной все вокруг отцвело,
Растерялся наряд придорожных рябин,
Лето веткой ко мне постучало в стекло:
Как подарок в листве спелой вишни рубин.

Что минуты порой – проходили года,
И ликующий смех, и былую зарю
Уносили забвение и суета,
Но сегодня опять я тебе повторю,

Что в душе, как дитя остаюсь и теперь,
Что с улыбкой смотрю в бирюзовую высь,
Ведь любовь из поломанной ветки, поверь,
Создает на земле настоящую жизнь!

Все ищет с небом единенья

Я знаю, почему долины
В высокий, призрачный простор,
Над плодородием равнины
Возносят главы гордых гор.
И расцветают у подножья,
Пускай хребет несокрушим:
Ведут пути по бездорожью
К огню блистающих вершин,
Что спят в объятиях тумана,
Толпясь таинственной грядой...
Там лес сосновый непрестанно
Взбирался на обрыв крутой,
Там низвергающийся в бездну
Поток кипел, как будто жизнь,
И восклицал свое «Воскресну!»,
Взлетая радугою ввысь.
Цветы, рожденные на склонах,
Из-под камней, в слепой борьбе,
Из теплого земного лона
Тянулись к солнечной судьбе.
Единодушное стремленье,
Аккорд под ангельской рукой...
Такое сладкое моленье,
Такой сияющий покой,
Что в нем хотелось раствориться,
И тишь легка, светла была...
Нельзя душою ошибиться!
И мысль, как острая игла,
Насквозь молчание пронзила,
Как будто радость отняла,
Тоску в душе разбередила,
Ресницы выше подняла:
Но не каменной ладони
Я вижу белые дома,
А на песке. И в каждом доме
Порой хозяйничает тьма.
Все ищет с небом единенья:
Ромашка, бабочка, роса,
Один лишь ты, Венец Творенья,
Так редко смотришь в небеса...

Нет, я не прекращу своих восстаний

Нет, я не прекращу своих восстаний
В притворный, горделивый век,
Чтоб выше должностей и прочих званий
Стал титул «Человек».

Чтоб люди на темницы золотые
Не променяли детские мечты,
И чтоб оберегали нас святые,
А не забор душевной пустоты.

Чтоб ангелом невесту называли,
Как сотни лет назад,
И во всеобщем рае не узнали...
Совсем обычный ад.

Чтоб люди ни за что не становились
Иудами себя.
Чтоб никогда, ты слышишь, не женились,
Нисколько не любя,

Любую правду, ясную, как утро,
Не подменяла лесть.
А паруса расцветки перламутра
Я верю, все же есть!

Начну свою глухую оборону:
Зажгу на лодке свет,
И выкрашу пиратскую корону
На флаге в белый цвет.

Спаси ее! (новелла в стихах)

Я вижу образ тонкий, как резной,
И прядь волос на солнце золотится...
Ее глаза, как крокусы весной,
Их глубину чуть прятали ресницы.
Шелк снежно-белый с ниткой голубой
Все обнимал опущенные плечи,
Во взгляде отражался крик немой!
Но в городе блуждал усталый вечер.
Она не слышит больше добрых слов,
Не видит восхищения прохожих:
Оно острее лезвий и шипов,
Ее не греет больше день погожий.
Перед глазами на бумаге... (стон,
Ведь стало ей опять темно и душно),
Тот приговор, что грянул будто гром,
Подписанный врачами равнодушно.
«Обречена! Обречена собой!» —
Звучит безумно, в мыслях застывая,
А думала, что если молодой,
Жить можно, все на свете забывая:
Очередной бокал лишь освежал,
И сигарета модною казалась...
А вечер в светомузыке сгорал,
Там ни о чем никто не размышлял,
Беды еще ни с кем не приключалось.
«Вот и со мной не будет ничего!» —
Родителям со смехом заявила...
«Вернуться б на минутку, до того,
На миг один... Я все бы изменила!»
Вот незнакомец розовый букет
Несет любимой – пахнущий и летний,
Уже разлил пурпурно-алый свет
Закат июльский... Может быть, последний?
Малыш какой-то мчится наугад:
«Вы не хотите порезвиться с нами?»
А в сердце боль, похожая на ад:
Ей никогда никто не скажет «Мама»...
И отшатнулась. Шутки и молва...
Куда бежать? Домой? Домой не надо!
Разве найти для матери слова,
Чтобы сказать убийственную правду?
В отчаянье рванулась в темноту,
И не одна, мигнув, витрина скрылась,
Она летела в пропасть, в пустоту,

Но почему-то вдруг остановилась.
Ах, кружева! Ажурная фата.
И продавец приветливая к месту...
Ей вспомнились все свадьбы – как тогда
Она мечтала тоже стать невестой...
Ресницы опустила, побрела.
Дойдет до края и назад вернется...
Спаси ее! От гибели, от зла,
И для нее пускай восходит солнце!
Как это сделать? Лишь не забывай.
Жизнь выбирай, соблазны отменяя!
Ведь молодость цветущая, как рай,
И только раз придет любовь святая.
Все для тебя! Бог щедро даровал
Все, чтобы счастье было без порока,
Чтоб ты любил, творил, благословлял
Под небом этим – чистым и высоким.

Крест на корме

Да, мир наш старый, поднебесный,
Преуспевающе-лихой,
Все возвышается над бездной
Одной высокою кормой.
А на корме – дубовый крест,
А на кресте – венец терновый,
И каждый день струится новый,
Зовущий в небо блавест,
Где, словно призрак, ангел белый,
В лампаде возжигал елей...
А мир, меняющий царей,
А мир, уверенный и смелый,
Бросает свой холодный взгляд
Из наплывающей пучины,
Он назовет свои причины
И ангел будет виноват.
Освистан дикою толпой,
И осужденный приговором,
Святой покроется позором,
А лжец воссядет, как святой.
В заслугу вменится вина,
Качнется матча парохода...
Вдруг станет лживая «свобода»
Горька, как темная волна.
В огне безумствующих молний,
Вода не ведает преград,
Себя сверканием наполнив...
А разве волны не горят?
Лишь крест, обугленный, но целый,
Один, по-прежнему стоит,
Как прежде, рядом ангел белый,
Там у подножия скорбит.
Покрыт корабль океаном.
Стихия снова спит, нема.
Горит лампада непрестанно
И возвышается корма.

Так напой же другим о любви и добре

Горячими красками хочет согреться
Порой ледяная холста белизна.
А что у художника нынче на сердце,
То знают всегда зеркала полотна.

Они отражают любые волненья,
Они освещают надежду, покой,
И самое жаркое помнят моление,
И дарят сиянье улыбки былой.

Как песня без слов, как беззвучные струны,
Эти тени и свет, эти чудо-тона,
И пусть все старо в нашем мире подлунном,
В мире искусства есть правда одна.

Если знаешь мелодии ты неземные,
Так напой же другим о любви и добре,
Пускай станут тебе все как будто родные,
Ты же словно посланник на Божьей горе.

И пока город спит, далеко до рассвета,
И от мудрости вечной теряет ключи,
Живописцам, певцам, музыкантам, поэтам,
Шепчут ангелы райские песни в ночи.

Цветок

Прости, что я такая не простая,
Моя душа – изнеженный цветок.
А польза миру от него какая?
Лишь сладкий запах, тонкий лепесток...

Что ж, ценится ли это – я не знаю,
Но как глоток святой, живой воды
Душе усталой так нужны бывают
Красивые и чудные цветы.

Сомкну я лепесточки в смуглый вечер,
И спрячу в них святого неба синь,
Роса стекает, словно тают свечи,
И горькая бывает, как полынь.

Пролей лишь каплю солнечного света,
Позволь навстречу разомкнуться им!
Вдохни любовь румяного рассвета
Прозрачным ветром, теплым, молодым.

Да много ли цветам капризным надо:
Глоток воды с днепровской глубины,
Собора звон в объятьях тишины —
Знакомая и светлая отрада...

Криворожье

Вновь засеяно поле рожью,
У колосьев кружатся птицы...
Позови меня, Криворожье,
Здесь родной земле поклониться.

И с небес твоих, невысоких,
Но, как море, глубоких, синих,
Дай испить мне росы, как сока,
В позолоте вечерних линий.

Зацветает шиповник дикий,
Сон глубокий дубов и кленов,
Простирается край великий,
С Ингульца до изгибов Дона

Расстиляется степь казачья
И лучей золотых ресницы
Там Аютины глазки прячут
В травы, сотканые из ситца...

Стонет колокол чисто-чисто,
Словно плачет над храмом Божьим,
И в тени куполов искристых
О тебе молюсь, Криворожье!

Таинственные нити

Я долгих лет распутываю нити,
Сплетенные в загадочный узор,
Серебряные, что ж вы не горите,
Как золотых заманчивый костер?
Одни играют розовым свеченьем,
Другие – нежно-пурпурным огнем:
Рождественские нити-украшенья
Звенят с моей надеждой в унисон.
Вот среди них вплетенная седая —
Упала с лебединого крыла,
Моя судьба, да кто же ты такая,
Что горечь ниткой белою вплела?
А может, ты не девушка в весеннем,
Немного пестром, платьице простом,
А инокиня в строгом облаченье
И на груди с серебряным крестом?
А может быть, сейчас еще не зная,
Куда же эта нитка приведет,
Иду за ней, иду и уповаю,
Что в край мечты она меня зовет,
А там, в тени подруга-боль таится,
Там нить из шелка черного, как ночь,
Мне ранит руки, на сердце ложится,
Но ты ничем не хочешь мне помочь...
Ты говоришь, что надо бы отбросить
И блеск, и ветошь, яркие огни,
Чтоб в черно-серой шали встретить осень,
И не мечты плести себе, а дни,
Что наши сны теряются из виду,
Что сказки не нужны мне на пути...
Я, как ребенок, плачу от обиды,
И не хочу таким путем идти!

В поисках сути

И каково нашедшему в пустыне
Один мираж на месте родника,
И человека чуждого в святыне,
И в небе – темень, а не облака?
Пусть сотни раз написано, что роза:
Шиповник узнается по плодам.
Фальшивыми бывают даже слезы,
Когда они не близкие делам.
Нет, черному не примириться с белым!
Ты можешь белым черное назвать,
Но лилия на темном фоне смело
Твой взор холодный станет обличать...
Имеющие очи – не увидят.
Имеющие разум – не поймут.
И потому обман в прелестном виде
Всегда скрывает истинную суть.

Мятежная душа

Не тревожьте мятежную душу,
Она быть не сумеет слугой:
Вся пылает в январскую стужу,
Леденеет в невиданный зной,
И в колючем шиповнике стоя,
Истерзавшись до крови, до слез,
Оттолкнет изможденной рукою
Даже роскошь искусственных роз.
Ну, а если уж вырвется в небо,
Тогда больше ее не зови:
Упадет в стоколосие хлеба,
Зашумит стоголосьем любви.
Нелюбовь ее ты не излечишь,
Не заставишь, не свяжешь ничем,
Она просто уйдет в этот вечер,
Не решая ненужных проблем.
Пусть же крылья устали от ветра,
Но остались две верных струны:
«Да» и «нет», остальные ответы
Тоже этой душе не нужны.
И, прекрасная в светлом порыве,
Рвется вдаль на терновых стезях,
Она чудно поет на обрыве,
Она кается в белых церквях.
Не пытайся ее поневолить:
Она замки твои разобьет,
И страдать, и метаться на воле
Ни о чем не жалея, уйдет.
И общительна, и нелюдима,
Пускай жизнь ее – миражи,
Тлеет красным цветком на руинах
Откровенье мятежной души.

Весна – предисловие лета

Ты когда-нибудь видел весну без вуали?
И в несметных богатствах ее лепестков
Те прозрачные, светлые, тихие дали,
И красивую просинь, как отблески снов?

Ты когда-нибудь видел в огне поднебесья,
Как в разливах лучей, словно липовый мед,
Возрождается день необычный, воскресный
И как он по земле величаво идет?

Ты встречал ли когда-нибудь эти закаты,
И росистые, смуглые те вечера,
И те ночи, что так заповедано святы,
Где пасхальные звоны звучат до утра?

Не грусти, что весна – это только мгновенье,
Ты поверь, что она не уходит навек,
Если в легком, роскошном, прекрасном цветенье
Свою вечную юность найдет человек.

Свою вечную юность в объятиях света,
В славословии птиц и благой тишине...
И поймет, что весна – предисловие лета,
И поверит Творцу, и любви, и весне!

Исполнение пророчества

Тот, кто не отречется от мамоны
Переступив порог, не внидет в храм.
В душе на истукан сменив иконы,
Он думает, что служит двум богам.

А Бог единый нелицеприятен —
Ты зря флиртуешь с «нужными» людьми.
Лишь преподобный Господу приятен
И друг, тобой оставленный в тени.

О святости радеют фарисеи,
Не замечают кары впереди.
Не знаю наказания страшнее,
Чем сердце, затвердевшее в груди.

Христос! Стоишь, стучишь, но очень тихо,
Ах, сколько шума здесь со всех сторон!
Серебреник отсчитывают лихо
И смех раскатом заглушает стон.

От Запада до самого Востока
Сбываться каждый день словам Твоим.
И будет избивать своих пророков
Камнями зависти любой Иерусалим.

Степная воля

Бег лошадей по утреннему полю...
Я так хочу того, что есть в крови:
Как ветер, сладкой, безмятежной воли,
И, как волна летящая, любви.

Биения сердца дикого, живого,
И радости, и боли – до конца!
И в каждом слова отзвука стального,
И смелого, и сильного лица.

Узнать о том, чего никто не ведал,
И это мне расскажет только он:
Под знаменем непокоренным неба
Непокоренной церкви перезвон.

И берега крутые к поднебесью,
И снег вишневый на моих губах,
И тот неповторимый привкус песни,
Когда-то затерявшейся в веках...

Без страха, без мучительных сомнений,
Без сожаленья, жить тогда одним:
В таинственном бессмертье поколений
Завет свободы с верой неделим!

И, может быть, порой почти у края,
Безумно мчаться, быть всегда собой,
Так пусть же шелестит ковыль седая
О девушке, как зорьке, молодой!

Несокрушима ты, степная доля,
Пускай бесцветно нас учили жить,
Но если вдруг запахнет свежим полем,
То лошадей вам не остановить!

Портрет (по картине «Неизвестная» И. Н. Крамского)

В ее глазах гуашью темноты
Коричневой, как ночь в шелках заката,
Обведены две пламенных звезды,
С небес на землю павшие когда-то.

Красивое и смелое лицо
На снежное похоже изваянье,
А черное цыганское кольцо
Ее волос трепещет от дыханья.

Уста сомкнула, что же говорить?
Давно уже решила все вопросы,
И только след от песен и молитв —
В изгибах губ остался пеплом розы...

Вверх подняты ресницы-веера,
И молодость ее граничит с болью,
Ведь даже лето – странная пора:
Свет солнечный с морской смешан солью.

И в резком лике каждая черта —
Прошедших дней свидетельство немое,
Ведь повесть жизни этой непроста,
Не черно-белой кистью, а цветною

Написаны такие письма —
Души движенья, жизни приговоры,
И смотрит, молча, с мудростью, она
На ваши похвалы и на укоры.

Театр

«Спасибо всем и все свободны!»,
В театре снова гаснет свет,
И этой драмы всенародной
Не нами выдуман сюжет,
Мы только жалкие актеры,
Не режиссер ни ты, ни я,
А в зале нашем прокуроры
И Жизнь – строгая Судья.
Как часто ты под голос скрипки
На этот жуткий карнавал —
На сцену выходил с улыбкой,
А за кулисами рыдал...
Как часто было невозможно
Словами свой исполнить долг,
Их, словно текст предельно сложный,
Ты долго выучить не мог...
Как часто в тон словам жестоким
Ты изменить не смог лицо,
И отводил глаза ты сколько,
Тем нарушая мастерство.
Рвалась душа отбросить маску
И крикнуть людям: «Я – живой!»
Но ты лишь слушаешь подсказки,
Смеешься с раной ножевой,
А я иду тебе навстречу
В наряде, взятом из мечты,
И в этой театральной встрече
И я – не я, и ты – не ты.
У каждого свои движенья,
Свои ответы на вопрос,
Мешает дикое биенье
В моей груди и море слез.
Закрыв глаза, во сне глубоком,
Наедине с самим собой,
Поймем, что платим так жестоко
Мы за любовь и нелюбовь.
Судьба в любую роль возводит,
К решеньям жизненным зовет,
Потом руками все разводит —
Назад расписок не дает.
Но я боюсь! Пускай фальшивых
Не умолкают сотни фраз,
Пускай неискренних и лживых,
Но не увижу твоих глаз.
Боюсь, что на другую сцену

Судьба меня переведет,
Нечеловеческую цену
Платить ей, дням теряя счет.
Да, должен ты подать в бокале
Мне расставанья темный яд,
И, не дрожа, в холодном зале
Я буду пить, ты будешь рад.
А дальше... Дальше по порядку,
Сценарий не переписать,
Как будто бы играя в прятки,
Безумный танец танцевать.
Сыграю я тебе чужую,
А ты – стального короля,
И все, кто рядом торжествуют,
Что ты – не ты, что я – не я.
Ну, а когда почти бессильной
Упала я у твоих ног,
Ты многим показался сильным:
Ты равнодушен стал и строг.

Все! Черный занавес опущен,
Стоишь, как статуя в кино,
Кто был из нас актером лучшим
Обоим просто все равно.
И ты немой ворвешься в память,
И я удерживаю стон,
Как приговор, сейчас над нами
Аплодисментов грянет гром.

Встречи

Не могут краски быть немymi —
Они зовут меня с собой,
И путешествую я с ними
То в вечер призрачный седой,
То в город, светом обеленный,
К цветам у старого крыльца,
Сто красок скрыл в себе зеленый,
И синий – разный без конца...
Больше всего люблю я встречи:
Стоит таинственный портрет,
А по бокам мерцают свечи,
Дрожит знакомый силуэт,
Слегка глазами улыбнется,
Многозначительно молчит...
А сердце, словно струны, рвется,
И вальс звучит, звучит, звучит....

Праведный обман

Рисуют тени тонкие узоры...
Как занавес, упала темнота.
Я сожалею, что мы не актеры,
Что наша жизнь привычна и проста.

Мы утром в переполненном вагоне
Забудем сны, спеша в объятья стен,
И будем жить в отчаянной погоне
За тем, чего не хочется совсем.

О, если бы служили мы искусству,
Поверили, что нет в театре лжи,
Позволили пылающему чувству
Прогнать постылых будней миражи!

Я, знаешь ли, давно живу мечтами,
Я не хочу таиться и скрывать!
Хожу вокруг да около словами,
Не забываю маску одевать...

Хочу на сцену выбежать, дерзая,
Не класть свои сомненья на весы,
Стоять перед тобою, замирая,
Прекрасной Катериной из «Грозы».

И вот, ты взял в ладони мои руки...
Да что мне зал! Ведь я как будто сплю...
И на губах, как в каждом сердца стуче,
Затрепетало вечное «Люблю!»

Аплодисменты, «Браво!», «Бис!» до визга,
Похоже на безумствующий пир,
А ты шепнешь (уста твои так близко!):
«Мы обманули правдою весь мир».

Другу Посвящается подруге Анне Тришиной

Беломраморный дом. Над водой восходящее солнце...
Обнимал виноград стройный стан серебристых колонн,
Где-то чайка кричит, но казалось – ребенок смеется...
Это было в душе, это был моей юности сон.

Накатилась волна, все укрыла кипящею пеной,
Падал чудный фасад, падал, как основание мечты,
И закончился сон пробуждением, а значит – изменой,
Но утрачу не все, если рядом останешься ты.

Ты не спросишь, мой друг, почему я не в праздничном платье,
И ресницы, клонясь, взор скрывают, как черный покров,
Я от боли нема, не могу ничего рассказать я,
Но поймешь ты меня без неясных, мучительных слов.

Лишь коснешься руки и прошепчешь чуть слышно: «Не надо,
Пусть сияющий взгляд, как и прежде, надеждой горит,
Не разрушен твой дом, оглянись и взгляни же, неправда,
На руинах седых белый лотос звездой горит».

«У меня мало сил... Он умрет, как и замок воздушный,
Этот яркий огонь, этот след неземной чистоты,
Мне непонятой жить, становиться смешной и ненужной,
Словно статуя здесь, я стою у печальной черты».

Но, сжимая, ладонь, ты поможешь к оврагу спуститься,
И поднимешь цветок, на колени его положив,
Я закрою глаза, сон ушедший опять мне приснится,
Лотос плачет росой, он, как сердце, по-прежнему жив.

Дар Господень – друзья, те, что ближе сестры или брата,
Что укажут в ночи непроглядной невидимый свет,
Вы совсем не бедны, нет, Вы счастьем безмерно богаты,
Если есть с кем встречать на руинах багровый рассвет.

Полет

Шаг за шагом мы идем к мечте.
Чайка бьется дерзко в высоте.
За такой отчаянный полет
Человек полжизни отдает.

Чтобы крылья чайки обрести
Нужно только не свернуть с пути,
С той тропы, где сорная трава,
Дикая степная крапива.

Там закат малиновый хорош,
Только камни острые, как нож,
Только ноги леденит ручей
И во тьме не выдают свечей.

Все невзгоды эти нипочем,
Если сердце бьется горячо,
Кто всем сердцем полюбил полет,
Никогда с дороги не свернет.

Не боится самых гордых скал,
Кто всю душу в песне выливал,
От ветров не отвернет лица,
Не возьмет немилого кольца.

Шаг за шагом мы идем к мечте,
По земле, но ближе к высоте,
Кто хоть раз изведает полет,
Этот путь священным назовет!

В старом зале

Войду в пустынный зал. Ни шороха не слышно.
Мелодия давно уж замерла...
Расстроенный рояль и роза цвета вишни
Осыпалась на краешке стола.

Там ангел золотой в руке сжимает свечи:
На клавишах застывшие следы...
Бросает из окна лучи наискось вечер,
Посланья с высоты.

И белые листы, разбросанные ноты,
Остывшие слова в забвенье и пыли,
И пел, и плакал здесь, с судьбой сражаясь кто-то,
Но победила суетность земли.

А я своей рукой, такую неумелой,
К душе рояля дерзко прикоснусь,
Пусть зазвучит струной отчаянной и смелой
Живая боль и грусть.

Надколотый хрусталь – нестройные аккорды,
Заговорили, словно о любви...
Лишь обронили стон... И вновь умолкли гордо,
Как будто память берегли.

На заре

Я люблю, когда пахнет свежестью,
Предрассветной тоской земли,
Когда травы целует с нежностью
Ветер, ласковый от любви.

Даже шорох далекий слышится,
В ожидающей тишине,
И свободней, и легче дышится...
Но уже небеса в огне.

Яркий свет задрожит, дотронется
До рожденного мотылька,
И навстречу ему откроется
Чаша розовая цветка.

Солнце в щедрой росе умоется,
И заплаканная заря
У большой колокольни скроется
За оградой монастыря.

А тропинка под гору тянется
Между сосен, между берез,
И с дремотой земля расстанется,
Отойдет от неясных грез.

Травы разные... Луг некошенный,
Бродит аист там, где ручей,
И на крыльях его раскрошена
Золотистая пыль лучей.

Слышу, колокол песней длинною
Проповедует всем добро,
Рвется в воздухе нить незримая —
Рассыпается серебро.

Я босая пойду к заутрене.
С васильком, с резедой в косе,
Я не ангел красивый утренний,
Я такая же, как и все.

Только знаю – душа помолится
И почувствует в глубине:
Не в погоне за чем-то кроется
Утешенье, а в тишине.

Кто-то душу свою разбередил,
Отыскал среди лета лед...
Божий мир ведь для счастья создан был
И Создатель как прежде ждет.

Надежда

В комнате пусто. За окнами – шепот дождя.
Вечер ненастный и плотно закрытая дверь.
Свечка дрожит и волнуется, долго светя,
Тихий, печальный огонь бесконечных потерь...

Закрою глаза – и увижу опять наяву:
Уходят друзья и вонзаются стрелы измен,
Капли тяжелые падают гулко в траву,
И эта трава – будет осенью призрачный тлен.

Но если внутри может так неотступно болеть,
Если душа может быть беспощадно живой,
Значит ей не дано, не завещано ей умереть,
Слезы просто уйдут, убегая по стеклам водой.

Я лампаду зажгу. Пускай ярко, как прежде, горит,
Богородица ласково к Сыну склоняет Свой лик,
И светлеет вокруг. Наступает таинственный миг,
За стеной шум дождя по-иному со мной говорит:

«Воскресения след есть же в каждом проросшем зерне,
И в весенних ветвях, и в рождении новой звезды!»
Я закрою глаза – и другое привидится мне:
Возвратились друзья, распускаются в поле цветы.

И предательства боль исцелится великим «прости»,
И смягчится душа, ведь пора мне щеку отереть,
И откроется дверь... А зачем тосковать взаперти?
Когда солнце взойдет, будет в окна с улыбкой смотреть.

Все увижу во сне и ресницы опять подниму:
Уж погасла свеча... А лампадка блестит высоко.
Что страдала вчера, я теперь не скажу никому,
Ведь надеяться сладко, и верить, ты знаешь, легко.

Ты не один

Ты не один родился на Земле,
В общении умей считаться с братом.
Кроме тебя, все прочие во мгле?
Не думай так, ведь это же предвзято.

Не принимай решения за всех.
Кого-нибудь заметно возвышая,
Так часто человек впадает в грех,
Другого же по-хамски унижая.

В мелодии твое соцветье нот
Пускай не заглушает и другое.
Вдруг чья-нибудь струна нежней поет?
Ищи свое призванье, не чужое.

Сказав «прощаю» с барского плеча,
Вслед обвиненья все перечисляешь?
Смиренье засияет, как свеча —
Тогда увидишь то, в чем согрешаешь.

И в этот час великое «прости»
Сорвется с уст и заблестит свято,
Ты по земле научишься идти
Свою дорогу разделяя с братом.

По волнам испытаний

Передо мною жизнь – бушующее море,
Но не боюсь я встретиться с волной,
В ее лихом, сверкающем узоре
Я вижу бой, извечный и святой.

О чем мое видение пророчит:
Лишь поднимаю быстрое весло,
Где воды отражают сумрак ночи,
Мелькает пена – ангела крыло.

Сойдутся жизнь и роковая гибель
Лицом к лицу на гребне той волны,
Не отойду, как равнодушный зритель,
Перед лицом бледнеющей луны.

Я знаю, по воде ходил Спаситель,
Стихия для Него была добра,
Воздвигну в сердце тихую обитель
Молитвою апостола Петра.

А шторм пускай безумствует в круженье,
Но все равно я не пойду ко дну,
Ведь это же не первое крушение
Коснулось болью к сердцу моему.

Мои грехи, как каменные рифы,
Мои утраты – молний блеск и тьма,
Еще обид надуманные мифы —
Вот из чего творится седина.

Но с сединой ко мне приходит мудрость,
С годами крепнет вера и любовь,
И грозных бурь навязчивая грубость
Моей душе давно уже не в новь.

Я видел, как благословенным утром
Поднялся шар с лазурной глубины,
И покрывая море перламутром,
Он гонит мрак, как все пустые сны.

Вмиг на заре смиренным станет ветер,
Багрянцем засверкают паруса,
Казалось, где-то засмеются дети,
Заплачет виноградная лоза.

И мой челнок качнется у причала,
Прижмется к вождленным берегам...
Наступит час – и он начнет сначала
Носиться по разгневанным волнам.

Но каждый день, стремясь навстречу солнцу,
Он будет видеть тихие моря,
Где маяком сверкая, чайка вьется,
И близко незабвенная земля.

Никогда не грусти

Тихо трогая струны гитары,
Никогда-никогда не грусти,
Все случается в жизни не даром,
И всегда счастье есть впереди.

Пусть красуется нота за нотой,
Утверждает струна за струной,
Что сегодня хорошее что-то
Неприменно случится с тобой.

Посмотри же в далекое небо,
Уходящему солнышку вслед,
И увидишь, что где бы ты не был,
Для тебя льется солнечный свет.

Нежно трогая струны гитары,
Ты о чем-то счастливом мне спой,
О прекрасном, что все же не даром,
Неприменно случилось с тобой.

Раздел 2. Лабиринты любви

Фото: Анна Тришина. На фото автор книги.

Приют любви, он вечно полон
Прохлады сумрачной и влажной
Там никогда стесненных волн
Не умолкает шум протяжный.

А. С. Пушкин

Я тебе не сказала (стихотворение в прозе)

Я тебе не сказала, что ты был ветром. Благодаря тебе я становилась легкой, словно розовый лепесток, и беспечно летела в пронизанную солнцем лазурь, радуя всех, кто встречался мне на пути. А в тихую погоду беспомощно падала на раскаленный песок.

Твой взгляд – вспышка молнии. В нем скрывался ожог и поражение. И я боялась. Но пламя озаряло тяжкую серость грозы, и я была бы слепой без этого яркого, долгожданного света.

В тебе живет радуга! Ребенком я, смеясь, утопала в ней, пока цветной ореол медленно растворялся в бледнеющем небе. Став взрослой, я с улыбкой любовалась тобой, пока не истекли короткие часы нашей встречи.

Ты – как земля! Я пыталась сжечь мысли о тебе, будто шипящий ворох кленовых листьев. Я хотела засыпать тебя снегами забвения. А ты неумолимо возрождался. Мне было больно, когда острый росток пронзал плотный асфальт моего протеста. Мне было сладко, когда ростки покрывались цветами и до краев наполняли душу тонким благоуханием.

Ты – сам воздух! Без тебя начиналось настоящее кислородное голодание. Приходилось бродить по сумрачным коридорам, чтобы случайно встретиться. Поздороваться. И вдохнуть. Вдохнуть, чтобы почувствовать себя лучше.

Ты льешься водой... Всматриваясь в тебя, я видела свое отражение. Становилось жутко, как при встрече с двойником, но отражение манило меня, как манит человека все таинственное и неизведанное.

Ты был сильнее восточного владыки! Помнишь корону, однажды подаренную тебе на празднике? Это была не шутка. Это был императорский венец! Но ты не смог отличить золота от бумаги. А я смутилась. Я так тебе и не сказала.

Ты очень образован, и читаешь на иностранных языках. Как же мне удавалось говорить с тобой на языке чужом и непонятном? На единственном языке, в котором не бывает слов...

Недавно мне сказали, что ты в опасности. Сказали, чтобы увидеть мою дрожь и растерянность... Я не задрожала. Разве может ТЕБЯ не быть? Разве может не быть воздуха, ветра, радуги, молнии, земли или воды? Разве может не стать Вселенной?!

Мириады миров видим мы, глядя на звездное небо. Мириады миров видят звезды, глядя на нас. Полюби – и ты увидишь Вечность.

Любить

Любить – не значит бесконечно
Другого подчинять себе,
Любить – горячим сердцем вечно
Твердить сквозь муку – ВСЕ ТЕБЕ.

Любить – не в поисках, повсюду
Кого-то просто выбирать,
Любить – творить святое чудо:
Другую душу понимать.

Любить – пожертвовать собою
И не напомнить никогда...
Любить евангельской любовью
Призвание наше навсегда!

Любить – любовью жизнь мерить,
Любить – весь век не забывать,
При безнадеге даже верить,
При бездорожье даже ждать!

Любить – в немислимом терпенье
Всю жизнь, как песню, посвящать,
Быть солнцем, милостью, прощеньем,
Судьбу в ненастье освещать...

Любить – не дать беде случится,
Любить – сочувствовать в беде,
В любви живому сердцу биться,
Твердить от счастья – ВСЕ ТЕБЕ.

Как выглядит любовь?

Царицею на пышных торжествах
«Любовь» сидит на золоченом троне,
Но любящим она не друг, а враг,
Влюбленные ведь часто в обороне...

О ней на свадьбах много говорят,
Ее в пример, не прекращая, ставят,
Но только как фальшив ее наряд!
И как ее прислужники лукавят!

А рядом бродит нищенкой простой
В совсем обычном платье васильковом
Таинственная девушка... Любовь!
Она сама, а не пустое слово.

Пусть гонят все красавицу скорей,
Клеймят ее, и бьют ее, и губят,
Она всегда живет среди людей,
И прячут ее в сердце те, кто любят.

Не надо ей ни свадеб, ни домов,
Ни очага не нужно ей, ни хлеба,
На воле бесприданница-Любовь
Повсюду ходит в платье цвета неба.

И многие страдают вместе с ней,
Вершину горя и вершину счастья
Хранит она незыблемо в своей,
Такой необъяснимо вечной власти!

В надменных толпах скромной, как дитя,
Сумеет незаметно притаиться,
Все сверху вниз перевернет, шутя,
И птицей Феникс в пепле возродится.

Да кто ж тогда на трон садится вновь,
Бледнея, негодуя от обиды?
... Слепая беспризорница Любовь,
Ты не подруга царственной Фемиде.

Свет неведомой звезды

*Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда...*

М. Ю. Лермонтов

Я стану тихо о тебе молиться,
Храня любовь беде наперевес,
И огоньком надежда загорится
На голубом подсвечнике небес.

И ты увидишь нежное мерцанье
В любом краю в полночный черный час,
И замирая в сладком созерцанье,
Не отведешь от неба карих глаз.

И будешь думать, отчего спокойно
И так тепло становится внутри,
Как будто хор налажено и стройно
Поет псалмы и канты до зари.

А если тучи занавесом синим
Закроют вдруг благословенный свет,
Произнеси, коль помнишь, мое имя,
Чтобы услышать ласковый ответ.

Его прошелестят в волненье травы
И замолчат в холодном хрустале,
А звездочка алмазом без оправы
Опять блеснет в серебряной золе.

Зачем же сердцу учащенно биться?
Не надо грусть сомненьем беречь,
Ведь что угодно может измениться,
Если умеешь верить и любить.

Не унывай с заката до рассвета,
Благодари за каждый миг Творца,
Сменяет небо позолоту лета
На озаренье звездного венца.

И в ясный день, когда наступит встреча,
Ты принесешь и кольца, и цветы,
А я спрошу, когда зажгутся свечи:
«Ты помнишь свет неведомой звезды?»

Реальные миражи

Не люблю стройных сахарных строк:
Как обычное в будни влекло,
Истлевает осенний листок,
Но земли не коснется крыло.

В каждом сердце пылится тоска —
Как не гонишь ее глубоко,
Она бьется порой у виска
Даже белого, как молоко.

О желанном и призрачном сне,
Разодегом в закат и шелка...
Много льда в ежедневном огне,
И, как серая лужа, мелка

Вереница истоптанных дней,
От забот заболит голова.
Что же, принято так у людей —
Для простых деревянных идей
Затирать золотые слова.

Так что ты не тверди о любви.
Спой о той, что с судьбой не в ладу,
Ее имя ты мне предъяви
Как всегда – только в честном бреду.

Пой о той, что всегда далека,
Что не видит надежд впереди,
На плечах у нее облака,
Орион у нее на груди.

Ведь она – воплощенная боль,
Она – музыка и красота,
Светлой мысли заветная соль,
Она больше, чем просто мечта!

В ней ни капли торжественной лжи.
С горьким привкусом сладостный хмель,
И упреки ее, как ножи,
Она вечная, как карусель.

Пускай это – туман, миражи,
Но они настоящей всего!
Ты любил беззаветно, скажи?
Если нет, не поймешь ничего.

Зеркала

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей,
Мы то всего вренее губим,
Что сердцу нашему милей!*

Ф. Тютчев

Во взгляде цвета нежного – сирени,
Пора еще наивная цвела,
И сквозь ресниц застенчивые тени
Порывистость сверкала, как зола.
Он иногда открыто, незнакомо
Посмотрит – и становится светло.
На голове почувствуешь корону,
А на душе – смятенье и тепло.
Там в шелковых зеницах заблудилась
Таинственно-густая темнота...
И вот она в блистание влюбилась
И говорила: «Это навсегда!»
Превозносилась, видя, сколько жара
Своею красотою навлекла!
И в эти два отчаянных пожара,
Увы, смотрела, словно в зеркала.
Им предъявив заветные желанья,
Смеялась над кристальностью мечты,
И воплощая сердца ожиданья,
Она на «я» все подменяла «ты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.